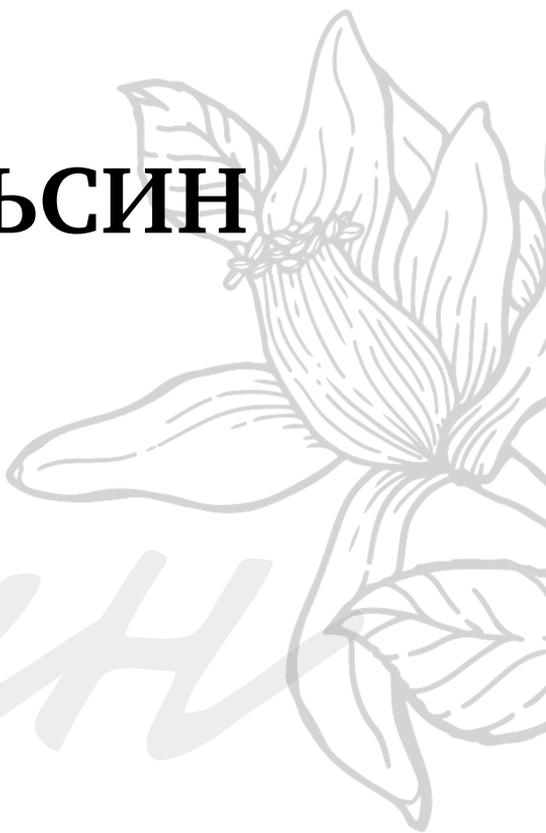

orange

АПЕЛЬСИН

АПЕЛЬСИН

Дорогая Анна! Сердечное тебе спасибо за поздравление с моим юбилеем. Хоть оно и пришло на месяц позже, все равно приятно — значит, есть на свете кто-то, кому я небезразлична. Говорят, печально праздновать сорокалетие, да мне и не с кем. Твое маленькое письмо, вопросы в нем вернули меня в те времена, когда всякий раз при наших встречах ты удивлялась, что в моей жизни нет никаких значительных событий. Я смущенно пожимала плечами и никогда не решалась рассказать тебе о яркой, удивительной, может быть, и странной полосе моей жизни. Видимо, теперь время пришло... Нет, не буду докучать тебе, а только расскажу о самом важном. Однако это будет скорее рукопись, чем ответное послание.

...О, как много он мне дал, и какая я перед ним неоплатная должница! Он был очень умен, но его ум не стеснял меня, не подавлял. Он был легок, непринужден и весел, почти лысый, невысок ростом, от природы наделен большой физической силой, немного надменный, но с другими. Терпеть не мог злых людей. Мы были дружны с ним почти два года. Заметь, я говорю *дружны*, потому что не могу сказать *близки*. В свою душу я так и не пустила его. Не смею также сказать, что жила с ним. Я тогда, в свои двадцать лет, испытывала ужас при одной мысли о том, что два человека — мужчина и женщина — могут жить всю жизнь вместе, с утра до вечера и с вечера до утра, делясь едой и питьем, спальней, снами, радостью и горестью... И эта тесная жизнь длится до тех пор, пока оба не потеряют окончательно всю прелесть и оригинальность своей личности, пока в супружеском ложе ежедневной привычкой не погаснут все восторги, не станут регуляр-

АПЕЛЬСИН

ной необходимостью или чуть-чуть приятным удовольствием. Возможно, я сумела бы поменять свое мнение, но об этом чуть позже. В любви и в отношениях — так мне сейчас кажется — он был очень избирателен. Много раз я слышала от него о большой и прекрасной любви, которая выдерживает всякие испытания, преодолевает все преграды и соблазны, торжествует над бедностью, болезнями, клеветой и долгой разлукой, о высшей любви, о которой сказано, что она сильнее смерти. И неужели ты не согласна со мною, что дар любви, как и все дары человеческие, представляет собой лестницу с бесконечным числом ступенек, ведущих от земли к вечному небу? Он любил меня, я это чувствовала. «Знаешь, Натали, — говорил он мне, — я чувствую, что до тебя никого не любил. Я ждал любви, хотел ее, искал, но все, что я узнал, — не любовь, а мираж... Может быть, невольная ложь самому себе. Теперь же я уверен, что нашел ее, и вместе с тобой ту любовь, о которой мечтал всю жизнь».

Помнишь наш подмосковный городок: узкие улочки, где барачные дома стояли вперемежку с частными. Ты вышла замуж, уехала в уральскую столицу, а я осталась здесь с больной мамой в коммунальной комнатухе. После техникума устроилась лаборанткой на большой московский завод. Обычно я ездила на работу и обратно на электричке. Путь в один конец занимал полчаса. Дорога не утомляла меня, а напротив, успокаивала. Мне было о чем подумать. Советский Союз распался, все рушилось, закрывались заводы, фабрики, люди оставались без работы. Но, слава Богу, меня это не коснулось. И я, красивая, романтическая, как и все юные девушки, гадала и мечтала о том, как же сложится моя жизнь, пыталась угадать, когда и где явится мой принц на белом коне.

Все началось в понедельник утром, ранней весной, когда я по привычке спешила на работу. Вбегаю в вагон, занимаю место у прохода, раскрываю книгу, не обращая внимания на окружающих. Мимо меня взад-вперед ходили люди. Несколькими работяг громко рассказывали друг другу анекдоты, смеялись, пока рядом плакал ребенок. Вдруг я увидела острые мыски дорогих ботинок. Они быстро пробираются ко мне.

В волнении я не отрываю глаза от книги. Подойдя совсем близко, этот кто-то кладет мне в раскрытую книгу апельсин и уходит. Я увидела только сильную мужскую руку. Я чувствовала, как у меня от стыда заливаются краской щеки. Немного погодя подняла голову: вокруг каждый был занят своим делом. Апельсин съели с девушками на работе. Следующие три дня все повторялось в точности: вагон, книга, апельсин. Я поняла, что у меня появился тайный поклонник. Каждый раз, когда он приближался ко мне, то ли от испуга, то ли от того, что все происходило так быстро и внезапно, я не могла увидеть его в вагонной толкучке. Кто он? Собравшись с духом, подняла голову, внимательно посмотрела вокруг. Конечно, я искала молодое и приятное лицо, но нигде такого не замечала. Я начала жить этим. Садилась в вагоне всегда у прохода; раскрывая книгу, я не пыталась даже читать ее — ждала мига, когда таинственный поклонник положит в раскрытую книгу апельсин. Где-то в середине апреля в мою раскрытую книгу упал конверт, я торопливо вскрыла его, в нем была театральная программа. На ней от руки красивым мелким почерком написано: «Отметьте спектакль, на который Вы хотели бы пойти, а потом бросьте по дороге обратно в свой открытый почтовый ящик». Я невольно ощупала конверт, не осталось ли там сопроводительной записки, но конверт был пуст. Программка была Малого театра. Я никогда не была в таком знаменитом театре. Хорошо подумав, выбрала «Лес», потому что спектакль шел в пятницу, перед выходными. Я все сделала, как мне велели.

Вскоре я получила по почте билет на этот спектакль. Должна тебе признаться, я очень волновалась. Все было так загадочно и романтично. У меня было ощущение, что я сама играю в пьесе. Стою у входа в театр, жду не знаю кого. Я улыбалась всем мужчинам. Они, в ответ улыбаясь, проходили мимо меня либо отходили в сторону, ожидая своих. После второго звонка я всерьез начала нервничать, ругая себя за доверчивость. Даже в глазах появились слезы. Но как бы то ни было, я подумала, что билет у меня есть и глупо пропускать спектакль.

АПЕЛЬСИН

Зал полон, но место рядом со мной пустовало. Уже когда погасили свет, я краем глаза увидела, как ко мне пробивается мужчина, рассмотреть лицо которого я не смогла в темноте; он сел рядом, а когда положил руку на подлокотник, я узнала эту руку. Мы оба молчали. После первого акта, когда в зале зажегся свет, он выпрямился, застенчиво улыбнулся, подал мне свою крепкую, хорошо мне знакомую руку и пригласил прогуляться в фойе. Мы познакомились.

Его звали Феликс. По профессии стоматолог. Оказалось, он живет на нашей улице в частном доме. Дом с маленьким палисадником, где весной цвели сирень и жасмин, — это был его дом. Так вот, в антракте он пригласил меня в буфет, мы выпили по бокалу шампанского, я не отказалась от пирожного, но меня уже не занимали ни спектакль, ни угощение, я ждала, когда он заговорит. А он смущенно улыбался и молчал. Только после спектакля, когда мы шли по ночной весенней Москве, он глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

Впервые Феликс увидел меня близко, когда я с портфелями бежала в техникум на выпускные экзамены, а он чинил калитку. Его поразила прелесть моего юного лица, на котором играла загадочная для него улыбка. И он часто стал ожидать меня — сначала просто для того, чтобы полюбоваться юностью, но со временем ясно понял, что именно я и есть его судьба, его счастье. Сказать, что я тогда была расстроена, — это ничего не сказать. Я будто получила сразу несколько извещений о смерти родных людей. Он был старше меня лет на двадцать. Его возраст, да и внешность.... Как все это совместить с моими радужными мечтами?!

Но я уже призналась тебе, что он был очень умен и тактичен. Он понимал все и не торопил события. В начале нашего знакомства общение с ним рыбьей костью застревало у меня в горле, но очень быстро первичная неприязнь ушла, а потом и осторожная недоверчивость тоже, и я увидела в нем приятного и достойного человека.

У него была широкая русская натура, он был человеком со вкусом, очень щедрым, но за последнее винить его нельзя;

я была бедна, а он богат. Обычно он ждал меня в своей машине на тихой улице недалеко от проходной завода. На моем сиденье всегда лежал букетик ландышей или ветка сирени. Мы ехали в театр, на концерт, в Дом кино или ужинать в дорогой ресторан. И хотя у нас не было долгих откровенных разговоров, мне было с ним интересно. Все это время я видела в его глазах страсть.

Вскоре он отважился сделать мне подарок — изысканные французские духи ко дню моего рождения. Я не смела отказать, а он был счастлив. Нет, Феликс не обижал меня подарками, всегда находил повод: Новый год, День Святого Валентина, Восьмое марта. Дарил что-то из украшений или красивую блузку, косынку. Мы ездили за границу. По моей просьбе спали в отдельных номерах. Париж, Рим, Стамбул. С ним я увидела Эйфелеву башню, знаменитые итальянские галереи, прекрасный Босфор.

Он никогда меня не принуждал ни к чему. Он обладал безграничным терпением. Если я чего-то не хотела или не была готова, говорил, что ничего, он подождет, очень осторожно приближая меня к себе. Поцелуи, объятия, но ничего больше. Ведь до него ни один мужчина не коснулся моих губ.

Ты, конечно, спросишь, а как же моя мама? Мне повезло с ней, она всегда понимала меня. Когда я второй раз пришла домой с цветами, мама тихо подозвала меня к себе, усадила рядом и попросила признаться, что со мной происходит. У меня никогда не было секретов от нее, и я ей честно рассказала историю от апельсина до этого букета. Оказалось, она хорошо знает Феликса: они учились в одной школе, только мама была на несколько лет старше. Мальчик рос в семье потомственных врачей. Его родители познакомились на фронте, в медсанбате. Это была очень хорошая, счастливая семья, наверно, потому и сыночка назвали Феликсом, что значит «счастливый». И надо же такому случиться — отдыхали в Сочи, летели домой, самолет попал в грозу. Вот и остался Феликс круглым сиротой на попечении у бабушки с дедушкой. Потом мама долго молчала, наконец сказала: «Дочка, поступай так, как подсказывает тебе сердце».

АПЕЛЬСИН

Вот так прошло два года. И однажды мы встретились, поужинали, выпили хорошего вина и поехали в наш городок. Остановились возле его дома. Голова моя была одурманена. Казалось, теперь я была готова на все. Уже у него дома, после горячих поцелуев, я пошла в ванную. Холодная вода отрезвила меня. Мне всегда было приятно смотреть на свое здоровое и красивое тело: ни одной морщинки, упругая грудь, живот как туго натянутый кусок шелка, круглые бедра, ноги длинные и гладкие... «И все это отдать мужчине, который годится мне в отцы?» — вдруг с ужасом подумала я.

И поняла, что не могу. Не могу... Все это время, пока мы общались, встречались, я думала, что переломлю себя, но не смогла. Может быть, от того, что я была молода или чрезвычайно глупа, но я оделась, поблагодарила Феликса за все и пошла к двери. Он умолял меня остаться, говорил, что готов ждать, и, если я согласна, завтра же отправимся в ЗАГС. Больше мы никогда не виделись.

На электричку я стала ходить другой дорогой, а потом наш городок вошел в границы Москвы, началось большое строительство: парки, пруды, вокруг построили многоэтажки, и мой дом потерялся среди других высоток. Прошло больше двадцати лет. Нет уже со мной мамы, завод не закрыли, я продвинулась по службе. Замуж я не вышла. Конечно, были у меня отношения, но со всеми этими молодыми парнями я лишь весело проводила время, а когда речь шла о чем-то серьезном, они говорили: «Еще успеется». С тех пор никто не любил меня с такой рабской преданностью, с таким самоотвержением, как он. Заканчиваю писать и не понимаю, почему, пока писала, улыбалась, и почему теперь по моему лицу текут слезы, и почему мне так больно...

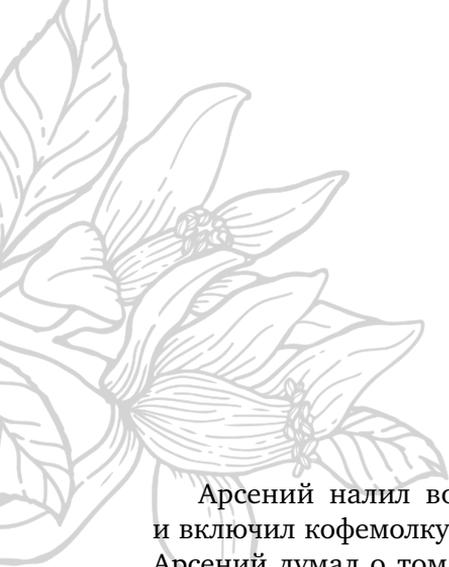
кучма

к

ПУТЬ К СЛОВУ

слову

Арсений налил воду в чайник, ложкой отмерил зерна и включил кофемолку. Каждый раз, когда жужжал моторчик, Арсений думал о том, почему народ этого небольшого балтийского городка так равнодушен к созревшим в тропиках кофейным зернам. Ленивые и торопливые, люди предпочитают быстрорастворимый порошок с едва уловимым пряным запахом. Вот почему он вчера, несмотря на морозящий холодный дождь, отправился в Санкт-Петербург, и там, на Невском, в магазине, с малых лет ему знакомом, его одарили плотным пакетом ароматнейшего кофе.

Священный ритуал никогда не нарушался. Смолотые в пудру зерна высыпались в заранее подогретый фарфоровый кофейник, заливались клокочущим кипятком. На журнальном столике, покрытом кружевной салфеткой, уже были приготовлены чашечка с блюдечком, оставшиеся от старинного фамильного сервиза. Арсений сел в мягкое кресло, откинулся на спинку и помедлил минуту, вдыхая волшебный аромат. Чашечка пряного, с тугой зеленоватой пленкой напитка вызывала в нем легкое волнение: он уносился в детство. В то безмятежное и счастливое время, когда были живы его всеильные ангелы-хранители, мама и бабушка. Он вспоминал забавные случаи, мамины рассказы о его рождении и раннем детстве, то ли это были обычные бабушкины рассказы, то ли легенды об их старинном знатном роде.

Теперь Арсений Потапов, давно миновавший Христов возраст, был кем-то вроде философа-отшельника. Чем дальше люди находились возле него, тем сильнее становилось его желание либо избавиться от них, либо самому скорее их покинуть. Он терпеть не мог, когда кто-то ночевал в его доме.

Любил свою старую мебель, посуду, допотопную люстру, изящные резные полочки, уставленные забавными фигурками, воспринимая их живыми существами со свойственными им характерами, причудами и даже тайнами.

Своего отца Арсений знал, но не помнил — с малолетства много воды утекло. В ответ на его расспросы мать хоть и коротко, но хорошо говорила о талантливом театральном художнике Георгии Потапове. Их молодая семья, увлеченная литературой, драматургией, живописью, на зависть многим была очень счастливой. Да еще и сын родился, которого называли прекрасным именем Арсений, что по-гречески значит «мужественный, возвышенный». Потом мать прерывала свой рассказ, вздыхала, тихо сетовала на развал страны, безработицу, отнявшую у людей искусства смысл жизни. Георгий Потапов стал искать его в вине. Арсений видел отца в сознательном возрасте только один раз. В гробу.

Его мать была личностью необыкновенно привлекательной. Так считал не только он как сын — это осознавали все, кто ее знал. Для многих она воплощала идеал женщины: красивая, стройная, со спокойным, но твердым характером, вдобавок ко всему энциклопедически образованный признанный литературовед. Арсению она уделяла много внимания: вникала во все его мальчишеские проблемы, учила находить правильные решения. Понимая, что в сыне прорастает гуманный, не упрекала его за тройки по физике и химии, а старалась больше и увлекательнее рассказывать о русских классиках.

Однажды, когда они гуляли по осеннему парку и вели беседу о том, чему человек должен посвятить свою жизнь, что будет значить для его личности этот выбор, мама вдруг заговорила таким проникновенным тоном, будто оставляла сыну родительский наказ. «Самая лучшая профессия — это писатель. Он ни от кого не зависим. Создавая произведения, он живет в мире своих героев, радуясь и страдая вместе с каждым образом, рождается и умирает с ним. Но какими бы ни были события повести или романа, они должны помогать писателю, а потом и читателю, становиться прекраснее

САБИТ АЛИЕВ

душой, отважнее характером, закаленное волей. Труд этот тяжел, но благороден».

Материнское откровение легло на сердце сына, как молитва.

* * *

Закончив школу, Арсений поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Он сразу стал публиковаться в студенческой многотиражке, его заметки были грамотными, но скорее информативными. После второго курса студента призвали на срочную службу.

В воинской части его писательская карьера совершила небольшой рывок — он стал главным редактором армейского листка «Служу родине», который печатался в полковой типографии. Арсению нравилась и оперативность работы, и верстка газетной полосы, и стрекот лино типа, и волнующий запах свежего отпечатанного листа. В его душе начинало проклевываться чувство авторства судьбоносного романа, которым будет зачитываться страна, а может быть и весь мир.

Он, конечно, понимал, что слава не падает с неба. Твердя мамино заклинание о труде, Арсений завел толстую тетрадь-дневник, записную книжку. Однако время летело с такой быстротой, окружающие события казались мелкими, судьбы людей, с которыми общался, рядовыми... В его творческой копилке слабо позванивали ценные монеты. Арсений сокрушался невезению. Утешала молодость, обещавшая одарить сюжетами когда-нибудь в будущем.

К концу учебы в университете они с мамой думали о следующей странице его биографии. Мудрая женщина, мама, внушала сыну, что настоящего писателя делают большие события и личное участие в них, будь то война, блокада, зимовка в Антарктиде, работа в горячей точке, где бы она ни находилась, стройка века, знание психологии людей, в них участвующих... И все это надо познавать через свою душевную боль. Человек, обрекающий себя на такой труд, становится добровольным каторжником. Но это — сладкая каторга.

ПУТЬ К СЛОВУ

Когда пришло время, Арсений дал твердое согласие отправиться на Северный Кавказ в одну из самых горячих точек. Но, несмотря на всю его усиленную подготовку, этому событию не суждено было состояться. У мамы случился инсульт. Единственный сын, Арсений, взял на себя все заботы о самом дорогом ему человеке. Чтобы зарабатывать хоть какие-то средства, он устроился младшим редактором в профсоюзный журнал, подрабатывал ответами на письма, давал частные уроки. Денег не хватало. Тогда мама сделала здравое предложение: обменять прекрасную питерскую квартиру на небольшой домик у моря в Выборге и однушку в Питере, которую будут сдавать в аренду. Арсений мужественно начал преодолевать непредсказуемые круги разменного ада.

Однажды вечером, сидя возле матери, он старался спокойно, не волнуя ее, рассказать, как обивал пороги контор, какие им светили надежды, и вдруг с тоской взгляделся в ее бледное, искаженное болезнью лицо. У него замерло сердце от осознания быстротечности жизни. Ночью он не мог уснуть. Его терзал стыд. Он, взрослый мужик, мечтавший о большой литературе, не написал ни одной строчки, которой порадовалась бы его мать. Чего он ждет? Какой небесной манны? Какого озарения? Никакого чуда не случится. Будет рутинный каторжный труд. И если ты повесил на себя эти кандалы и вериги, то садись за стол, страдай душой, ворочай мозгами и пиши.

Арсений встал, накинул халат, сел за письменный стол, заправил в машинку чистый лист бумаги, крупным шрифтом вывел заглавие «Чужая жизнь».

История талантливого юноши, который рано остался сиротой и теперь жил вместе с бабушкой, уже давно складывалась у него в небольшой рассказ, немного смешной, немного грустный, — известно непростое жите двух поколений, разделенных российским полувеком.

Сюжет рассказа четко выстраивался у Арсения в голове. Его пальцы легко бегали по клавишам; не было времени ни остановиться для раздумий, ни перечитать написанное.

Арсений проснулся за полдень. От ночного волнения не осталось и следа. Он взял напечатанные листы, спокойно прочитал написанное. Да, конечно, это рассказ, правда небольшой, но в нем уместились три необходимых компонента: завязка, основное действие, концовка.

Зайдя к маме, он увидел, что она, хворая, лежит на высокой подушке. При виде сына она слабо улыбнулась и тихо, но стараясь четко выговаривать слова, сказала:

— Я слышала... Ты всю ночь печатал... Загорелась в душе лампадка?

— Мамочка, я приготовил тебе сюрприз. Бог даст, он будет тебе хорошим лекарством.

В журнале, куда Арсений принес свой первый рассказ, имя его матери — Евгении Потаповой — не только было известно: ее талант литературного критика высоко ценили и потому Арсения приняли очень радушно и пригласили на ближайшую редколлегию за ответом.

Он шел домой и невольно улыбался своим мыслям: с каким радостным волнением мама будет слушать его рассказ о приходе в редакцию, выспрашивать подробности обо всех и обо всем, о том, что ее помнят, любят, надеются на ее скорое возвращение...

Как всегда, в последнее время в квартире было тихо. В маминой комнате — тоже. Арсений осторожно приоткрыл дверь. Мама в его сторону не обернулась. На слабый ласковый оклик не отозвалась... Он подошел совсем близко. На милом лице разгладились следы болезни. Казалось, она чуть задремала, чему-то улыбаясь во сне. Но сон этот был вечный.

* * *

Размен жилья наконец-то состоялся. Чтобы помочь Арсению обустроиться на новом месте, наладить холостяцкий быт, из Киева приехала бабушка Ольга Павловна Репнина — личность совершенно необыкновенная. Еще совсем девчонкой она пришла в клинику знаменитого невролога Бехтерева, к его ученикам и соратникам. Шестнадцатилетнюю Олю определили в лабораторию мыть пробирки. Очень скоро упорная

и любознательная девушка уже работала с микроскопом. Она поступила в мединститут, успевая и учиться, и вести в клинике научные исследования, которые легли в основу ее кандидатской диссертации.

Война изменила судьбу молодой женщины. Еще только звучало по радио сообщение о начавшейся трагедии, а Ольга уже бежала в военкомат и там потребовала без промедления назначить Репнину начальником санитарного состава. Ее напористость, умение убеждать всех и во всем, способность держаться на ногах без сна и еды совершили чудо: через три дня от платформы Финляндского вокзала двинулся на запад полностью оснащенный медицинским оборудованием и укомплектованный медперсоналом эшелон под красным крестом. По этим адским рельсам он до самой победы то мчался, то тихо полз, то, вовсе замирая, стоял, спасая жизни тысяч людей.

В свои девяносто Ольга Павловна обладала ясным практическим умом, феноменальной памятью, читала и шила без очков, ходила без палки, делала по утрам зарядку, вечером — дыхательную гимнастику, играла в шахматы и была отменной кулинаркой. Конечно, она не двигала тяжелую мебель, не носила чемоданы, кофры, сумки, не охала в длинных очередях. Ольга Павловна была талантливым организатором любого дела. Зная, что взяла на себя роль скорой помощи на недолгое время, настойчиво учила внука всему, что умела сама. И она же твердо настояла на том, чтобы Арсений не бросил на полдороге обещанную матери литературную работу.

Сына уважаемого всеми автора принял сам главный редактор. Выразил искренние соболезнования, похвалил Арсения, что не опускает рук. Положив перед собой листы с его рассказом, начал подробно говорить о написанном. Арсений слушал, и его то бросало в жар, то окатывало ледяной водой. Хоть и похвалил его маститый критик за живость диалогов, за современный молодежный стиль, за тонко выписанные детали, но он понимал, что опус его не более чем писанина.

Главный редактор крепко обнял его за плечи.

— Согласен с замечаниями? Тогда учти их и приходи снова. Перо у тебя есть, будем учиться владеть им. Это первое,

что я тебе хотел предложить... А второе — в память о твоей маме мы откроем для тебя должность, которой раньше не было в нашей редакции и которая как-то ушла из практики литературных журналов после перестройки. Ты будешь читать проходящий в редакцию поток рукописей. Нам пишут и графоманы, и свободные от дел охотники до воспоминаний, и люди, проживающие очень интересную жизнь, но не умеющие рассказать о ней, встречаются, правда редко, золотые самородки. Работа, конечно, не сахар, но тебе она пойдет на пользу. Ты будешь у нас на договоре и, разумеется, на зарплате. А самое важное — среди нас, вроде сына редакционного полка.

Прощаясь, редактор вручил Арсению толстую папку и несколько листков его рассказа, испещренных пометками.

Увидев в окно, как внук медленно идет по дорожке к дому, Ольга Павловна сердцем почуяла, что прибыл он не на крылатом Пегасе. Однако с расспросами не торопилась: опытный психолог, она знала, что Арсений сам все расскажет. Бабушка сидела в кресле за вязанием. Арсений подошел, нежно обнял бабушку за плечи, укрытые легким платком. Молча остановился у письменного стола, аккуратно положил пухлую папку возле настольной лампы. Отодвинув нижний ящик, бросил листочки с рассказом в самый дальний угол. Вечером они пили душистый кофе за журнальным столиком, и внук поведал Ольге Павловне о разговоре с главным редактором и сам уже продолжил его, рассуждая с собой. Да, стиль, тональность рассказа, занятные словечки... А ради чего это? Что он хотел сказать читателю? Чем привлечь? О чем задуматься? Он не знает жизни... Не приобщен к большому делу, которое рождает в человеке глубокие мысли.

Ольга Павловна, не прерывая вязанья, будто между прочим спросила:

— Арсен, ты помнишь, с какими вещами встретил меня на вокзале?

— Конечно, — удивленно ответил внук. — Дорожный чемоданчик и большой желтый портфель.

— Так вот, голубчик, саквояжик я увезу с собой, а портфель оставлю тебе. Там мои бумаги, мой архив. Удивишься,

ПУТЬ К СЛОВУ

чего только там нет: и письма, и клочки оберточной бумаги с двумя-тремя строчками, и школьные тетради с записями, оборванными на полуслове... Очень мне хотелось сохранить в памяти военные годы, события, судьбы людей, разные случаи... Но то время было крошечным адом. А потом нахлынул другой поток... Думала, что зря хранила портфельчик. Ан нет! Дождался он своего часа. Оставляю тебе его в наследство, на твою совесть. Уверена, что пригодится он тебе.

С этого дня Арсений жил в приподнятом настроении. Рано вставал, садился к письменному столу, брал из толстой папки редакционного самотека очередной опус и внимательно-внимательно читал его, делая карандашом на полях пометки, будто проводил для себя мастер-класс. Одаренный природой литературными способностями, он не умел правильно применять их. Сейчас Арсений чувствовал живую плоть слова, его запах, его место в строке. Как архитектор знает законы построения здания, так и писатель должен выстраивать свое повествование.

Вечерами, усевшись за журнальным столом, бабушка брала вязанье, внук разливал по чашечкам ароматный кофе, включал диктофон, и Ольга Павловна начинала рассказывать. О чем только она не вспоминала! То о мощном, раскидистом фамильном древе Репниных, то о сподвижнике Петра Первого, воспетого Пушкиным в «Полтаве», то о смутных временах, когда рубили многовековое славное древо под корень. Но чаще всего вспоминала войну, признаваясь, что всю оставшуюся жизнь слышит стоны раненых, шепот умирающих, взрывы снарядов и стук... стук... стук колес.

Как ни велика была трагедия войны, как ни гнобили голод, сиротство, увечья, смерть, но радость согревала обездоленных: письмом из дома, концертом фронтовой бригады артистов, котелком горячей каши, задушевной мелодией баяна, лаской пригретой бродячей собаки. Уж каких только животных не подбирал народ, кочующий на колесах! Особенно бабушка любила рассказывать разные затейные истории про красавца-петуха, которого все звали сначала Петя, потом Петр, а потом и вовсе Император за его золотой наряд и царское высокомерие.

А кассеты диктофона, плавно крутясь, оставляли в незыблемом естестве голос рассказчицы.

Поезд на Киев уходил вечером. Проводив бабушку, Арсений долго ждал рейсового автобуса. В Выборг вернулся, когда улицы уже были безлюдны. Домой идти не хотелось, он направился к морю. Ярко светила луна. Плескались о камни волны, омывая его лицо влажной свежестью. Арсений стоял не двигаясь. В его душе бушевало неведомое ему доселе волнение, восторг, граничивший с безумием. Он с трудом успокоил себя и медленно пошел к дому. Не зажигая огня, не раздеваясь, прилег на кровать. Спать не хотелось, просто закрыл глаза, чуть задремал. И вдруг он услышал, как легонько скрипнула дверь, приоткрылась... На пороге стояла мама в светлом платье. Она приблизилась к нему. Привстав, Арсений уткнулся ей в колени, сквозь горячие слезы, заливавшие его лицо, зашептал: «Мамочка, милая моя мамочка... как я по тебе соскучился...». Мама приподняла его лицо, ласково посмотрела в глаза и тихо, но твердо сказала: «Пора, сынок. Пора тебе отправляться в дорогу. Теперь ты готов...»

Арсений очнулся. Он, как и был одетый, лежал на кровати. В комнате никого... Дверь закрыта. А лицо в слезах. Что это было? Сон? Видение? Но он ощущал мамины руки, видел ее глаза. И понял, что она его благословила.

В назначенный срок Арсений Потапов вошел в кабинет главного редактора и подал ему объемистую папку самотека, сказав, что все материалы прочитаны, разложены по значимости и коротко отрецензированы. Главред одобрительно кивнул, но, в упор глядя на Арсения, строго спросил:

— А где твой рассказ?

Новый сотрудник, немного смущаясь, протянул ему прозрачный файл с листами четко отпечатанного текста. Вверху первой страницы крупным шрифтом выведено название «Моя удивительная бабушка». Главред удивительно хмыкнул, показал Арсению на стул, чтобы ждал, а сам стал читать. Сердце автора-дебютанта трепетало, но он изо всех сил старался не выдать своего волнения.

ПУТЬ К СЛОВУ

Прочитав рассказ, главред минуту молчал, затем аккуратно сложил листки и широко улыбнулся:

— Молодца! Проросла-таки в тебе материнская порода! Сразу же берем в номер.

Так началась писательская судьба Арсения Потапова. Его печатали в каждом выпуске журнала. В цикле «Под стук колес» по-новому ожили события разных лет и разных людей, бывших их участниками. Начиная очередной сюжет, Арсений почти физически чувствовал, что вступает на узкую колею между рельсами, шагая по шпалам. Идет тяжело, будто несет на плечах непомерную ношу. Но шаг за шагом походка становилась легкой, в душе рождалась одному ему слышная мелодия рассказа, и он искал слова, созвучные этой мелодии.

Через год вышла книга Арсения Потапова. А впереди его ждали новые сюжеты.

Колта

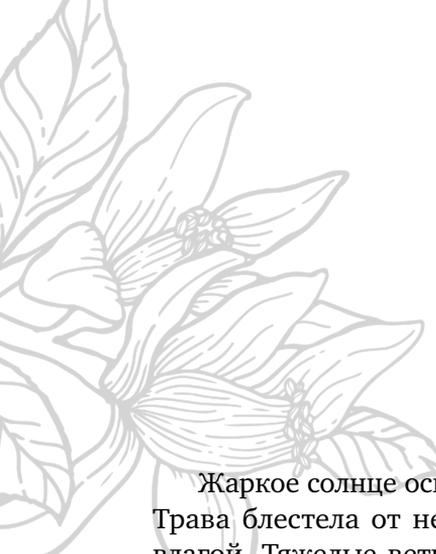

30

обити

**ПОЛЮБИТЬ
ЗАНОВО**

заново

Часть 1

Жаркое солнце освещало наш двор сквозь высокие ограды. Трава блестела от недавнего дождя, земля была пропитана влагой. Тяжелые ветви деревьев гнулись, а телки, привязанные в ряд, паслись на лугу, время от времени мыча.

Открылась дверная калитка, и появился отец, крепко держа в правой руке черный пакет с деньгами. Только что он продал пятую ферму из одиннадцати оставленных ему родителями.

— Теперь ты — обладатель солидного капитала, и я очень надеюсь, что ты прекратишь заниматься ерундой, начнешь удваивать свое состояние и, наконец, станешь уважаемым человеком в обществе, — сказал отец мне.

Ерундой он называл мой писательский труд. Еще учась в старших классах, я увлекся драматургией. Посылал пьесы в местные театры, но режиссеры не трудились даже прочесть произведения неизвестного автора.

Затем я выпустил маленький сборник стихов. Книга не имела никакого успеха, но казалась мне многообещающей.

Осмелюсь предположить, что когда-нибудь напишу весьма умную книгу. Хотя и знаю: чтобы достичь успеха в литературе, нужно обладать некой отвагой, которая отражается в новом герое, оригинальности сюжета и в стиле письма, но пока у меня ничего этого не было. Звучит довольно строго по отношению к себе, но такова истина.

Среди семей, обитающих испокон веков в окрестностях города Баку, семья Ахмедовых была одной из самых уважаемых и гостеприимных.

Наш дом был большой, с высокими потолками и с широкими окнами, выходившими на набережную. Перестановка

ПОЛЮБИТЬ ЗАНОВО

по указаниям матери быстро придавала дому утонченный облик. Произведения искусства, собранные ее отцом во время поездок по Европе, она всегда берегла: эти бесценные картинки и книги добавляли обстановке особое изящество. Гости всегда восхищались тем, как можно специально так озаботиться антуражем, чтобы, находясь внутри него, все становилось частью этого эстетически полноценного, продуманного пространства.

Наш дом круглый год, с утра и до поздней ночи, кишел народом. Люди приходили без всякого предупреждения: ближайшие соседи и какие-то дальние родственники, которых лично я до сих пор в глаза не видел и не слышал об их существовании. Эти дни мать называла днями полной анархии, приводящей в отчаяние ее и прислугу. Завтрак, обед и ужин смешивались в шумной и беспорядочной суете. В то время, когда одни заканчивали обедать, другие только начинали пить утренний чай. Со стола никогда не убирала сладости, фрукты, а кухня наша работала с утра до вечера.

Мать моя, хозяйка дома, почти никогда не садилась за стол, пока сама не накормит всех гостей. Они говорили, что если и есть на свете женщина, которая может предстать пред Аллахом, то это без всякого сомнения она.

Мы жили богато, деньги из рук отца текли, бежали, исчезали. Легкость, с которой отец оказывал своим родственникам помощь, была одной из величайших радостей его жизни. Тут его прекрасно понимали все люди.

Отец был высокий, широкоплечий, с длинной веерообразной бородой и серыми холодными глазами, с отсутствующими передними зубами, выбитыми во время службы в армии. Как это вышло, он уже не помнил. По этой причине он шепелявил, выплевывая слова, которые люди не всегда понимали. Отца отличали властолюбие, суровость и убежденность в правоте своих слов. С ним нужно было договариваться на его условиях.

Отец, создававший впечатление сильного человека с простым характером, был молчаливым в присутствии незнакомцев и иногда приводил всех в замешательство своим холодным безразличием. И, конечно же, он был типичным

представителем своего народа. Он любил, чтобы вокруг царил домашний уют, чтобы о нем и о его родственниках заботились, вкусно кормили и не задавали лишних вопросов.

Я любил своего отца, и он меня тоже, хотя наши отношения и не всегда об этом свидетельствовали. Он любил охоту, а я шел на уступки, соглашаясь в виде одолжения пострелять вместе куропаток. По его мнению, если мужчина не любит оружие, — это противоестественно.

Не знаю, в чем тут дело, но стоит надеть охотничий костюм — и люди превращаются в каких-то бездушных существ. А как они хвастаются после охоты! Сколько раз отец буквально заставлял меня сидеть молча за ужином, когда он и его друзья рассказывали о своих подвигах. И я с ужасом слушал их рассказы. Однажды между нами возник спор:

— Ты ничего не понимаешь в охоте! — воскликнул он. — Каждый мужчина должен любить оружие!

— Вздор, — ответил я, — убивать ради удовольствия? Это не по-человечески. Быть может, когда ты нажимаешь на курок, чувствуешь себя всемогущим? Я не вижу в этом необходимости. Я терпеть не могу охоту. По мне, она порождает даже в превосходных людях самую безобразную жестокость. А как вы, охотники, любите хвастаться! Сколько раз я сидел за ужином с тобой и твоими друзьями и ужасался. Как же быстро вы превращались в самохвалов!

— Отвечать отцу, да еще такими словами, крайне нерелигиозно, да и вообще наш менталитет не одобряет этого. Ты осмеливаешься отвечать мне?! Это богохульство. В моем доме есть свои законы, которые приняты еще моими предками! — заорал он, ударив ладонью по столу.

— Я категорически отказываюсь пользоваться законами твоих предков. Я могу уйти?

— Если ты осмелишься возражать, то больше никогда не войдешь в мой дом!

Мне показалось, что отец посмотрел на меня свысока. Я с трудом сдержал себя, чтобы не ответить ему, что он сильно преувеличивает собственную важность. И в самом деле — эта ноша стала для меня тяжеловата, но я не рискнул уйти.

ПОЛЮБИТЬ ЗАНОВО

— Я очень надеюсь, что ты верно понимаешь мои слова. Не будь упрямым, как мать, — если ты признаешь свою ошибку, я готов забыть наш спор. Думаю, ты не забыл, что я собираюсь оставить тебе все свое богатство по завещанию. А ведь я могу в любое время передумать. Я вправе отдать деньги кому пожелаю, — заявил он, уже окончательно выходя из себя. — И поверь мне: если ты меня доведешь, то я пожертвую все до последнего маната на благотворительность. Помни, что я — единственный человек, который может сделать тебя богатым.

Я был твердо убежден, что отец проживет еще много лет, сживая со свету своих родственников и в частности меня. Я почему-то был не уверен, что переживу его, но знал одно: что не хочу жить, подчиняясь крайне невежественному человеку, хоть этим человеком и был мой отец.

Тем временем он, трясаясь от ярости, продолжил:

— У нас много бедных родственников, да и вообще кругом нищета, разве ты слепой?

Я молча ушел в библиотеку, куда отец никогда не заходил, и где его грубый беспощадный голос был не слышен.

* * *

Моя мать была высокой, с острым взглядом и уверенной походкой. Седые густые волосы всегда были уложены в сложную прическу, напоминающую о моде, давно забытой молодыми женщинами. Спину она держала прямо, движения отличались упрямой решительностью, одновременно ее походка была легкой и изящной. Мать не ела сливочного масла, считая, что оно вредит фигуре и мыслительному процессу, и думала, что умный человек не страдает лишним весом.

Дома мама всегда была хорошо одета. Она любила платья из тонкого шелка нежных тонов. Особенно ей нравилось темно-фиолетовое маркизетовое платье с небольшой пелериной. В минуты хорошего настроения она садилась за пианино, наигрывала мелодичную песенку и тихонько пела. А я, забившись куда-нибудь в уголок, сидел, слушал и любовался своей мамой, лучше которой не было на всем белом свете.

Как многим хорошим в себе я обязан ей! Она была младшим ребенком в большой, образованной семье. Ее старшая сестра Флора хорошо играла на пианино и прекрасно пела. Когда ей исполнилось семнадцать лет, отец повез Флору в Москву на прослушивание в консерваторию. Педагоги сказали, что у девушки редкого тембра голос, и ей непременно надо учиться. Так сестра мамы стала студенткой Московской консерватории и домой приезжала только на каникулы.

В эти дни Лала, младшая и самая любимая сестренка, не отходила от Флоры, и та уделяла ей много времени: учила ее играть на пианино, петь забавные детские песенки. А когда Лале исполнилось пятнадцать лет, девочка недельки на две-три навещала Флору, и та знакомила ее с огромным городом: водила по музеям, по концертным залам, в театры.

Окончив консерваторию, Флора вышла замуж за музыканта, и их вместе направили в Свердловский оперный театр. Видеться родные сестры стали очень редко. В начале совместной жизни с отцом моя мама хотела обеспечить себе независимость, и ради этого была готова на все. С моим отцом они ссорились каждый день. Он в такие моменты говорил ей все, что в голову приходило, стараясь задеть ее как можно больнее. Словесные оскорбления отца причиняли ей боль, сравнимую с физической. Отец обвинял во всех своих несчастьях жену, а не Аллаха или себя. Чем грубее он был, тем острее она это чувствовала.

Каждый раз отец безудержно выкладывал весь свой запас бранных слов и упреков. Они текли из его рта, как поток нечистот. Он выплевывал слова, заикаясь, голос его срывался, но он овладел человеческой речью словно бы специально для того, чтобы бросать в мать ругательства и оскорбления. Он всегда затыкал ей рот.

Я часто, приложив ухо ко дну стакана, приставленного к стене, подслушивал их разговор. Помню, как однажды, слушая эпизод их ссоры о своем будущем, сжимал в руках книгу «Дон Кихот».

Тогда я заканчивал четвертый класс.

— Все решено.

ПОЛЮБИТЬ ЗАНОВО

— Что именно? — тревожно спросила мать.

— Я договорился, он будет учиться в медресе.

— Ты говоришь невозможные вещи! Скоро двадцать первый век.

— Я так решил. Рот закрой, — грозно ответил отец. — Пусть изучает Коран. Он мой сын.

Мать всегда очень переживала, когда отец говорил обо мне лишь как о своем сыне, будто только он имеет полное право распоряжаться мной.

После долгого молчания я услышал, как, заикаясь, мама сказала:

— Я не хочу, чтобы мой сын стал фанатом религии. Он уникальный ребенок, совершенно уникальный.

Отец хлопнул ладонью по столу.

— Это совершенно меня не волнует, уникален он или не уникален: по мне, все дети одинаковые. И запомни: мой дом — это мой дом. Мой сын — это мой сын. Все решаю я, и точка.

Я ненавидел арабский язык и его буквы. От злости на отца я швырнул книгу в сторону и начал стучать по стене руками, только, кажется, родители меня не слышали. Позже я успокоился и услышал голос мамы.

— Мы должны учить его важным вещам, чтобы он мог стать многогранным человеком. Он очень умный мальчик.

К моему удивлению, отец промолчал.

Признаюсь, когда меня называли умным, я не чувствовал гордости. Я и только я знаю, какой я. Умный, толстый, высокий... Меня это не волновало.

Я был единственным ребенком в семье. Родители, каждый из них, желали вырастить из меня нечто необыкновенное. У них для меня назначена была высокая планка. У отца своя — чтобы я учился в медресе, изучал арабский, как свой родной язык, любил охоту, продолжал дело наших предков. Мать хотела, чтобы я знал несколько европейских языков и стал врачом. Это была ее мечта.

Буквально через несколько дней после их спора, который я подслушал, отец наставил на меня указательный палец,

словно пистолет, и громко сказал, что я обязан делать все, что он говорит, без объяснения.

— Ты должен учить арабский язык.

В поисках поддержки я посмотрел на маму, но та сидела, опустив глаза, и мне оставалось только одно — защищаться самому. Я довольно долго восхищался отцом, а сейчас впервые, познав его ужасный характер, решил больше не заслуживать его одобрения. Глубоко вдохнув, хоть и боясь его, я твердо сказал:

— Я не буду изучать арабский язык.

— Еще как будешь, — услышал я холодный голос отца.

— Не пойду.

К тому времени я читал очень много книг и знал, как учат в медресе. С утра до вечера одно и то же вдалбливают, то, чего ребенок не понимает. Потратить свою жизнь на то, что никогда мне не понадобится? Это бессмысленно.

Отец держал двумя руками свои уши, словно мои слова, как острый нож, резали его слух, затем очень низким голосом сказал:

— Это мы еще посмотрим.

Мама уставилась в пол, будто ей было неинтересно мое будущее. «Предательница», — подумал я и только через очень много-много лет узнал, что отец запретил ей открывать рот, пока он дает мне наставления.

А еще помню, как однажды ночью мать, тяжело упав к ногам отца, простонала, заливаясь слезами:

— За что ты сердисься на меня?

Отец начал кричать, оскорбляя ее и весь ее род:

— Я хочу еще ребенка, а ты не можешь родить. А когда корова больше не приносит телят, она никуда не годится. С женщинами точно так же.

— Это не моя вина, — сказала, вздохнув, мать.

Отец встал и, очевидно, не зная, как бы еще ее помучить, приказал ей выйти во двор и стоять там под дождем до рассвета. Мать молча повиновалась.

Я, злой на отца, вместе с мамой в одной пижаме вышел на улицу и, засунув глубже руки в карманы, встал под дождем.

ПОЛЮБИТЬ ЗАНОВО

Отец тут же выбежал за мной и, обняв меня, начал целовать, вытирая с моего лица капли дождя, повторяя:

— Ты с ума сошел, ты с ума сошел... Ты же простудишься...

* * *

С тех пор прошло двадцать лет...

Мать всегда была равнодушна к вещам, но любила все прекрасное: классическую литературу, особенно русскую и французскую, музыку, живопись. Всему, что знала, она учила меня. Одним из лучших моих решений было то, что я ей доверил свое образование.

Она любила природу, любила поля, которые к весне начинали пестреть веселым цветочным узором, похожим на ковер. На каждом дереве пели птицы, на все голоса восславляя радость жизни, красоту дождя и яркий солнечный день.

— Наш мир прекрасен, а человеческий век так короток, что каждая минута достойна того, чтобы ее проживать как последнюю, — говорила мне мама.

Она мечтала о путешествиях.

— Путешествуй, мой мальчик, — это облегчает любые страдания. Сама усталость от поездки, дрожь в коленях напоминают нам о жизни. Мы приходим в этот безумный мир с надеждой и, уходя из него, оставляем свою надежду здесь же, веря в то, что оставили после себя свидетельство о том, что мы жили.

— Красота, пожалуй, важнее всего на свете, — сказала мать однажды. — Все говорят, что для мужчины внешность не играет никакой роли, но эти слова абсурдны. В истории человечества было много мужчин, которые добились почета и славы лишь благодаря своей харизме. Сегодня я хочу поговорить с тобой еще раз о профессии, я хочу, чтобы ты стал врачом, очень хорошим врачом. Белый халат... Что может быть прекраснее этого? Ты красив и умен, он тебе очень подойдет.

Мать говорила эти слова, поглаживая мои волосы.

Несмотря на всю красоту белого халата, я не собирался связывать свою жизнь с этой профессией, но также я не хотел идти по пути отца.

— Я хочу стать писателем. Это достойная профессия для уважаемого человека, — ответил я.

Мать посвящала всю себя моему воспитанию, старалась наставить меня на путь истинный. Она всеми силами пыталась привязать меня к себе. Заставляла рассказывать ей обо всем, что я делаю, и, конечно, мне приходилось часто сочинять всякую чушь. А она была готова принять на веру любую ложь, которую от меня слушала.

Однажды я чуть не попался. Мать в очередной раз ждала меня, не ложилась спать. И я ей соврал, сказав, что буду заниматься уроками, а сам отправился погулять с друзьями: в итоге потратил все деньги, которые она дала. Мог бы развиться скандал, но мне удалось убедить ее, что у меня еще со вчерашнего дня болела голова.

А когда я получил повестку в военкомат, отец похлопал меня по плечу, сказав, что его сын уже вырос, и пришло время защищать Родину.

Я никогда не слышал, чтобы мама говорила таким голосом.

— Ты не пойдешь, пока я жива, — начала говорить мать. — Ты болен, твои нервы не в порядке, ты дергаешься от каждого стука, я пойду с тобой к докторам и поклянусь им, что ты болен. Они тебя освободят.

Но я даже мысленно не допускал возможности уклониться от долга перед Родиной: я хорошо знал, что Родина нуждается во всех своих сыновьях, подобно любящей матери. Я не был заражен идеологией, политикой, я просто любил свою Родину, и для меня было бы честью служить ей.

Да и моя мама... Все это она очень хорошо понимала.

Пока она говорила, я молчал, погруженный в свои мысли. Но вдруг я выпрямился, будто готовился к битве, и сказал:

— Я пойду служить, и ничто не изменит моего решения. Я обязан идти с оружием в руках защищать правое дело. Точка!

Мать, обняв меня, заплакала и сказала, что она сама это очень хорошо понимает: кто, если не я?

Вообще, ей нравилось думать, что она успешно оберегает меня от познания добра и зла. Она настаивала, чтобы я,

ПОЛЮБИТЬ ЗАНОВО

помимо матери, в ней увидел друга, и всегда громко, с восхищением говорила отцу, что я еще ни разу не скрыл от нее ничего.

Она любила посвящать свою жизнь семье, и я восхищался ее безупречным чувством долга перед близкими. Мне казалось это чем-то поразительным — в наше время жить исключительно ради семьи.

Мать часто смотрела на часы, словно постоянно чего-то ждала: возможно, освобождения от неких оков. Чувствуя себя рабыней мужа, одновременно верила, что все в ее жизни идет вразрез с понятием о наслаждении самой жизнью, которая, по ее представлениям, должна быть единственным логическим завершением пути. Жизнь мамы стала рингом, где одна половина боролась с другой, где прежняя, до замужества, все еще верила в любовь.

Ее жизнь в таком стиле могла бы продолжаться и дальше, если бы врач не нашел на ее теле подозрительных уплотнений. Ей поставили диагноз — «рак последней стадии». Но, как ни парадоксально, новость, которую мать угадала, скорее облегчила ей жизнь.

— Больше мне не нужно бороться за справедливость в этом доме. Я устала, и ты у меня вырос, не нуждаешься во мне, я уйду, и даже себя мне не жалко, — сказала она мне, узнав о своем диагнозе.

Услышав приговор, отец поглядел на нее с нахальной дерзостью человека, осознающего свою власть, и сказал:

— Только подумай о невыносимой скуке и смешной жизни с женой-интеллектуалкой. После тебя я женюсь на кухарке какой-нибудь. Знаешь что? На тебя даже сердиться нельзя. Ты ведь всего лишь женщина. На свете есть много такого, чего вы, женщины, никогда не поймете. Вам не понять, как богата мужская жизнь, как же нам, мужчинам, трудно. Ведь для нас мир нечто гораздо большее, чем платья, цветы, дом, дети, — говорил отец маме.

Она тихо ответила:

— Я привлекательная и образованная. Я мечтала, что мой муж будет просвещенным, умным. Главная моя ошибка была

в том, что в браке с тобой я придавала слишком большое значение уму, а его у тебя оказалось не так много.

— По-твоему, я круглый дурак? — заорал отец.

— Учитывая, что ты относишься к жене как к рабыне, уби- ваешь невинных животных ради удовольствия, я бы сказала, что у тебя нет ума, хотя твоя глупость не считается недостатком. А вообще, мне тебя жаль: ты так и не смог понять, что такое любовь, а мужчина, который ни разу не чувствовал аромат любви, он жалкий, несчастный. Ты так и не смог догадаться, что каждой женщине необходима нежность, как рыбе вода. Не хочу больше тебя видеть. И пусть никто не осмелится омрачать мои дни перед скорой смертью.

Их взгляды встретились, и они поняли: время упущено, между ними ничего не изменить.

Мать глубоко вздохнула, по ее щекам текли горькие слезы, которые она стала тереть тыльной стороной руки.

— Неужели нельзя дать мне спокойно умереть? Мне так надоела жизнь с тобой, я так жду того момента, когда закрою навсегда глаза, — сказала она с болью.

Отойдя к окну, мама внимательно всматривалась вдаль, пожалуй, слишком внимательно. Против света был виден лишь только ее силуэт, но все-таки можно было различить, как вздрагивают ее поникшие плечи.

Воздух в комнате, казалось, застыл. Никогда молчание и мрак не были так тягостны в этом доме. Казалось, холод и ужас всего мира застыли в нем.

Часы невозмутимо шли вперед, отсчитывали минуту за минутой, я чувствовал, что мать, живая и любимая, уходит от меня.

Чуть позже она повернулась и, неуверенно ступая, будто по льду, тихо подошла ко мне:

— Прости меня, сынок, я не должна была перед тобой говорить отцу такие слова.

Она сказала это, не глядя на меня. Ее глаза неподвижно были устремлены вниз. Голова опустилась еще ниже.

Я, не выдержав, вскочил с места и обнял ее. Я зарыдал, чувствуя, что теряю мать...